

Письма из Коровников

«Нам разрешили надеть свои платья»

В последние три года в ярославской прессе слишком часто упоминаются Коровники – следственный изолятор № 1. До 1964 года здесь была тюрьма, основателем которой считается ярославский генерал-губернатор Алексей Мельгунов. Название произошло от Коровницкой слободы, возникшей еще в XIII веке в устье реки Которосль на ее правом берегу.

В 1782 году А.П. Мельгунов обратился в Ярославскую казенную палату с предложением о постройке в Ярославле тюрьмы. Строительство первых корпусов для тюремного замка началось в 1800 году по указу Александра I. Изначально тюрьма была пересыльным пунктом для арестантов, которые шли по этапу в Сибирь. Через ярославские Коровники прошло немало знаменитых людей.

Сегодня мы публикуем отрывки из писем, отправленных из Коровников Константином Федоровичем Некрасовым, племянником известного поэта. Некрасов как деятельный член ярославского отделения партии «Народная свобода» в 1906 году был избран депутатом первой Государственной думы, на которую российское общество возлагало большие надежды. Но первая дума была разогнана в 1908 году, а 169 депутатов подписали Выборгское воззвание, в ко-

тором выразили свое несогласие с разгоном думы. Эти депутаты были приговорены Санкт-Петербургской судебной палатой к тюремному заключению. Отбывали они срок в тех городах, откуда были избраны.

Дворянин Константин Федорович Некрасов и князь Дмитрий Иванович Шаховской, секретарь Государственной думы, уездный предводитель дворянства в Угличском уезде, один из организаторов «Союза освобождения» и партии «Народная свобода», отбывали наказание в ярославских Коровниках. Во время тюремного заключения Некрасов принял решение отойти от политики и заняться издательской деятельностью. В историю К.Ф. Некрасов вошел как один из ярких и талантливых книгоиздателей начала XX века: его издательство существовало в 1911 – 1916 годах.

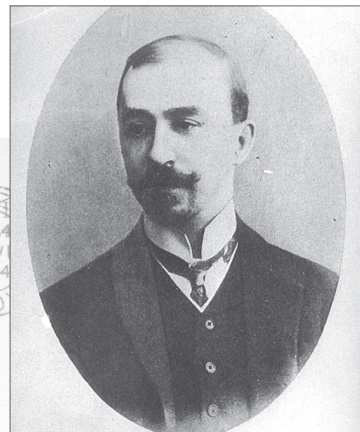
Письма Некрасова из тюрьмы адресованы Николаю Пе-

Д.И. Шаховской.

тровичу Дружинину – юристу, журналисту, земскому деятелю, с которым Некрасов сразу после освобождения из Коровников начал издавать ежедневную газету «Голос», самую демократичную в Ярославском крае, она выходила до 1917 года.

Цитаты из писем мы намеренно выбрали те, где речь идет об условиях содержания в Коровниках начала XX века.

К.Ф. Некрасов.

11 июня 1908 г.

Дорогой Николай Петрович, немало посмеялись мы с Дм. Ив. над Вашими страхами. Я до сих пор не могу без смеха вспомнить того таинственного вида и странных вопросов, с которыми явился ко мне д-р Суцов. Долго я ничего не мог понять, пока, наконец, он не заговорил о письме к Вам. Тут я не выдержал и расхохотался. Дело в том, что Дм. Ив. рассказывал мне об этом письме, но ни он, ни я никак не ожидали, что оно произведет такое действие. Мне кажется, Вы слишком мрачно рисуете себе наше положение. Я вижу Дм. Ив. каждый день и могу Вас уверить, что он совершенно бодр. Иногда на прогулке мы оба хохочем, как малые ребята, к немалому удивлению наших стражей и пары несостоятельных должников, которые любят нас из своих окон. Не знаю, что сказать Вам об общем состоянии его здоровья. Мне все кажется, что оно неважно. Но спешу оговориться; я сужу не на основании каких-либо признаков, и сам Дм. Ив. говорит, что чувствует себя хорошо; но я думаю, нельзя сохранить здоровье, работая так, как работал он эти годы. Может быть, и дай Бог, чтобы я ошибался.

О себе, кажется, ничего нового сказать не могу. Чувствую себя хорошо; начинаю даже подозревать, что я создан для одиночного заключения. Впрочем, не забываю каждое утро вычеркивать в календаре наступающий день. Читаю жизнь Погодина; местами невероятно скучно, но есть зато много интересного и нового для меня. История начинается с начала XIX века и тянется до 70-х годов и даже позднее. Симпатии автора на стороне славянофилов, к западникам относитесь отрицательно. «Православие, самодержавие и народность» на каждом шагу. Материалов любопытных мало. К вечеру обыкновенно прочитываю одну пьесу Шекспира и немножко Короленко или Чехова. До Сперанского и Киселева еще не дошел. Мне надо будет кое-что из Пушкинской библиотеки, и я буду просить об этом Вас, если позволите, но пока у меня есть чтения, и с этим можно погодить.

Жму Вашу руку и жду письма. Преданный Вам К. НЕКРАСОВ.

26 мая 1908 г.

Дорогой Николай Петрович, надеюсь, что не посетуете на меня, что пишу Вам карандашом. Дело в том, что сейчас вечер, проверка уже была, и, вероятно, чернил достать нельзя.

Слышал сегодня, что Вы вновь «имели честь», хотя я подробностей объяснения не знаю. Удивляюсь на мелочность этих людей. Я ожидал найти в них больше рыцарства.

О нашем житье-бытье. Вы, наверно, уже знаете от Анны Николаевны и от моих сестер, которые были у меня дважды. Живем себе; ходим в баню, гулять и главное – читаем. Дм(итрий) Ив(анович) занят своим Щербатовым; материя, должно быть, в высшей степени скучна; он и сам в этом признается; а я погружился в жизнь Погодина, до которой давно добирался, и читаю ее с большим интересом. Главный ее недостаток – необычайная длиннота, около 20 томов, – для меня является большим достоинством; можно читать, не стесняясь тем, что быстро прочтешь. По вечерам иногда страдаю (для разнообразия) зубной болью; я нашел от нее отличное средство – это Чехов, хохочу так, что боюсь разбудить соседей, а о зубах забываю совершенно.

Большое спасибо Фанни Владимировне за икру; я сразу догадался, от кого она, по Вашей руке. В общем, мы питаемся сносно, хотя иногда к говядине приходится прилагать значительные усилия. С Дмитрием Ивановичем мы расходимся только в кашах; он по этой части принадлежит к Вашему толку, а я больше напирал на существенное.

Как быстро человек ко всему привыкает: до тюрьмы, особенно последние месяцы, я никогда не ложился раньше 3 – 4 часов ночи; я здесь легко встаю в 8 часов; пробовал было ложиться в 10 часов, но спать 10 часов в сутки оказалось мне не по средствам: теперь ложусь в 12.

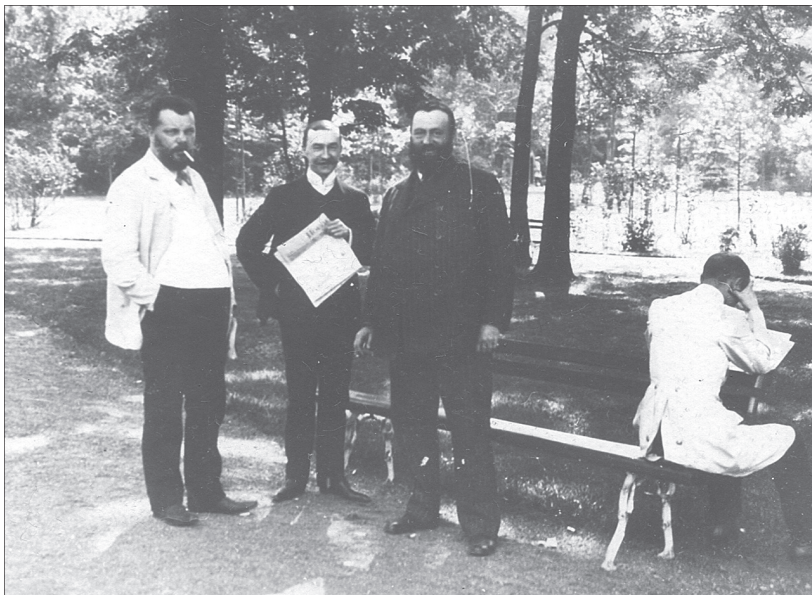
Самый главный враг мой здесь – это дождик: когда он идет или собирается идти, со двора в окно идет такая вонь, что нет возможности дышать, можно предположить, что арестантские нечистоты со всего города свозить велят только сюда.

Большое удовольствие доставляет мне старый и милый обычай жертвовать заключенным хлеб; каждый праздник наш надзиратель приносит нам жертвованные белые хлебцы; право, очень приятно знать, что есть добрые люди, которые, никого не зная из заключенных, помнят и заботятся о них. Мне кажется, что это черта чисто русская.

Но мне писать легко, каково-то будет Вам читать; кончаю, кланяюсь Фанни Владимировне и Вам; очень бы хотел Вас видеть, но это едва ли возможно.

Искренне Ваш К. НЕКРАСОВ.

Что делается на белом свете, не знаю, газет не получаем...

Н.П. Дружицкий, К.Ф. Некрасов (слева направо). Ярославль, Казанский (ныне Первомайский) бульвар.

6 июля 1908 г.

Сегодня у нас большой день – мы добрались до вершины горы, прожили 46 дней и теперь поедем с горы. Не знаю, легче ли будет ехать.

Живем мы по-прежнему. Скуки не испытываю. Очень вчитался в историю...

О наших товарищах знаю только о сидящих в Санкт-Петербурге, Москве, Костроме и Юрьеве. Об остальных ни слуху ни духу. Да, кажется, и никто не знает. Положим теперь глухое время – лето, но все-таки нельзя не попенять на газеты...

17 июля 1908 г.

Рад был получить Ваши открытки, дорогой Николай Петрович...

В жизни нашей нет перемен, но все же мне кажется, двухмесячное заключение отразилось до некоторой степени на мне и Дм. Ив. Не само заключение, а условия. К этому прибавилось еще обстоятельство, о котором писать неудобно. В общем, состояние духа у меня ровное, скуки и хандры не испытываю.

Давно что-то не получал писем от москвичей...

18 июня 1908 г.

...Но здесь времени для обдумывания несколько больше, чем на свободе, и план мой значительно изменился...

Мы живем по-прежнему. Скоро минет месяц. Дм. Ив. получил на днях письмо от Френкеля и от кн. Долгорукова. Последний тоже пишет о сокращении срока нашего заключения. Я плохо этому верю, да и оснований в законе не вижу. Нам по неизвестным причинам разрешили надеть свои платья; мы этим пока не воспользовались. За обещание дать книги спасибо.

6 августа 1908 г.

...Мы доживаем свой последний месяц; по старому стилю нам осталось сидеть 15 дней, по новому, сенатскому, 13. Я, конечно, на стороне сената, но, по правде сказать, совсем не понимаю, чем он руководствовался. Впрочем, я плохо помню новое уложение. Заявление мы еще не послали. Петербуржцы сегодня окончили свой срок и выходят на свободу. Но бедные костромичи! Неужели им придется сидеть 4 месяца. Понимаю их горе, и кроме того, говорят, их отношение с администрацией обострилось.

Письма публикуются по подлинникам, которые хранятся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге

Вступление и публикация Ирины ВАГАНОВОЙ

Фото из архива